

Мурзилка

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

№ 5

МАЙ
1941

ГОД ИЗДАНИЯ
ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

Чудесные брюки

Н. Носов

Рисунки
К. Елисеева

Это были чудесные штаны: зеленые, вернее сказать — защитного цвета, точь-в-точь какие носят красноармейцы. Хотя они были не совсем длинные, Бобка важно называл их брюками и очень ими гордился. Когда он выходил в них на улицу, нос его сам собой задирался кверху, грудь выпячивалась колесом, а ноги шагали легко и быстро, будто их кто-то подталкивал сзади: „Ать—два! Ать—два! Ать—два!“ Прохожие останавливались, улыбались вслед Бобке и говорили:

— Вот это герой! Вояка!

Вот какие это были чудесные брюки.

Один раз Бобка шел по улице, а на него из-за забора залаяла собака. Бобка, конечно, остановился и стал сквозь забор палкой тыкать. Собака рычала и грызла палку зубами. А Бобка смеялся:

— Глупая, думает, палке больно!

Собака разозлилась, отыскала в заборе дыру и выскочила на улицу кусать Бобку. Бобка бежать, а она — цап его за штаны! Он упал и давай орать с перепугу. Такой крик поднял, что собака поджала хвост и бегом от него. Бобка вскочил и скорей домой. Прибежал, запыхался.

Мама спрашивает:

— Что с тобой?

— Ничего.

— Чего ж ты прибежал, словно за тобой волки гонятся?

— Я есть захотел.

— Так сильно захотел, что бегом бежал?

— Да.

— Что-то ты сочиняешь! — покачала головой мама.

Тут она заметила у него на штанах дырку.

— А это что?

Бобка говорит:

— Дырка.

— Я и сама вижу, что дырка. Зачем порвал?

— Это не я. Это собака.

— Какая собака?

— Ну, какая, какая! Обыкновенная!

— Может быть, бешеная? — забеспокоилась мама.

— Нет, не бешеная.
— Ты, наверно, дразнил ее?

— А зачем она на меня лаяла? Я иду, никого не трогаю, а она — „гав! гав!“

— Так надо дразнить? Пусть себе лает, лишь бы не трогала! Может, она искусила тебя?

— Нет. Только штаны порвала. Зашей, пожалуйста, мама.

— Ну уж нет! Ты будешь собак дразнить, штаны рвать, а я — зашивай? Сам зашей.

— Я не умею.

— Ну, ходи так, если не умеешь.

— И буду ходить! — проворчал Бобка.

Ему хотелось пойти к игрушечному магазину,

посмотреть на витрине игрушки. Он вышел на улицу, но тут его остановил дворник, дядя Андрей.

— Эге-ге! — сказал дядя Андрей. — Это не годится!

— Что не годится? — не понял Бобка.

— Не годится, брат, не годится! Не по уставу!

— Что не по уставу?

— Дырка, брат, вот что! Брюки-то у тебя военные, а с дырой. По уставу, зашитьлагается.

— Я говорил маме, да она не хочет, — стал оправдываться Бобка.

— Маме? — удивился дядя Андрей. — Какой же ты красноармеец, если мама будет тебе штаны зашивать? Сам должен!

— Я не умею.

— Надо научиться. Пойдешь в Красную армию, там, брат, мамы не будет. Там все нужно самому уметь делать... Вот когда я служил в армии, в старой, — стал рассказывать дядя Андрей, — у нас на этот счет строго было. Был у нас унтер, сердитый такой! Чуть только заметит у кого на гимнастерке хоть малюсенькую дырочку, сейчас же подойдет, просунет в дырочку палец да ка-ак рррванет! Так всю рубашку и распоросует. Вот тогда и

сиди зашивай! Пока дырочка маленькая, думаешь — не заметно, а как он разорвет, тогда уж самому неудобно. Так и приучил всех зашивать.

— Ну, это в старой армии! — протянул Бобка.

— А ты думаешь, в Красной армии можно оборванцем ходить? Нарочно рвать на тебе обмундирование теперь, конечно, никто не станет, но зашить все-таки ты должен, потому что в армии каждая мелочь — пуговица там или пряжка — большое значение имеет.

Бобка потоптался на месте.

— Ну, я пойду, дядя Андрей!

— Иди, друг, иди!

Бобка побрел к магазину. Он больше не гордился своими брюками. Ему казалось, что прохожие оглядываются на него и посмеиваются. Он старался не попадаться никому на глаза и крался вдоль стен и заборов, точно вор. Нос его уже не задирался кверху, грудь не выпячивалась колесом, а ноги заплетались на каждом шагу. Не дойдя до магазина, он повернул обратно. Ему уже не хотелось смотреть игрушки.

Дома Бобка взял иголку, нитки, отыскал кусочек зеленой материи и вырезал из нее заплатку, похожую на большой огурец. Потом продел нитку в игольное ушко и стал пришивать этот огурец к брюкам. Он очень торопился и пришивал заплатку огромными стежками. Иголка высовывалась из материи и впивалась ему в пальцы.

— Колется, противная! — ругал Бобка иголку и хватал ее осторожно, двумя пальцами, как будто это была оса.

Он долго кряхтел и сопел... Наконец работа была окончена, и Бобка надел штаны. Заплатка была при-

шита неровно и торчала на брюках, точно сушеный гриб. Материя вокруг нее сморщилась.

— Никуда не годится! — проворчал Бобка. — Еще хуже, чем без заплатки.

Он вертелся перед зеркалом, приглаживал заплатку рукой, но это ничуть не помогало.

— Ну, хорошо же! — пригрозил Бобка заплатке. — Я тебе покажу!

Он снял брюки и отпорол заплатку ножом. Потом приложил ее снова к дыре, аккуратно обвел вокруг чернильным карандашом и принялся за работу снова. Теперь он пришивал мелкими стежками точно по карандашу и так увлекся, что даже не заметил, как прошло время. Зато, когда все было сделано, на заплатку любо было посмотреть. Она была пришита ровно и гладко и так крепко, что не отодрать и зубами. Бобка надел брюки и долго вертелся перед зеркалом.

— Эх, — говорил он, — мне бы еще пуговицы научиться пришивать, да жаль, ни одна не оторвалась! Ну, ничего, может быть когда-нибудь оторвется — обязательно сам пришью!

Бобка повесил через плечо свое игрушечное ружье и пошел гулять. На дворе он увидел дядю Андрея и нарочно стал вертеться возле него.

— Вот это хорошо! — сказал дядя Андрей. — Пришил ведь! И хорошо! Теперь и я скажу, что из тебя хороший красноармеец получится.

Бобка почувствовал в груди такую большую радость, что готов был прыгать и петь. Нос его сам собой задрался кверху, грудь выпятилась колесом, а ноги, будто их кто-то подталкивал сзади, сами зашагали по улице прямо к игрушечному магазину: „Ать — два! Ать — два! Ать — два!“

Прохожие на улице останавливались, улыбались и говорили друг другу:

— Вот герой так герой! А заплатка, смотрите, карандашом обведена — сразу видно, что сам зашивал! Вояка!

Снимок первый. Вася не плачет, Но у Васи угрюмый вид. Конечно, он мог бы решить задачу, Но, сами видите, — зуб болит.